

Научная статья
УДК 821.512.156

ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА ВИКТОРА КОК-ООЛА «САМБАЖЫК»: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ПРОТАГОНИСТА ДРАМЫ И МОТИВА ВОССТАНИЯ

Людмила С. Мижит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Кызыл, Республика Тыва, Россия, lmizhit@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются предшествовавшие написанию пьесы «Самбажык» В. Кок-оола научные исследования о национально-освободительном движении тувинских аратов «Алдан-маадыр» («Шестьдесят богатырей») в XIX в. Автором предпринята попытка интерпретировать образ главного героя и мотив стихийного восстания, отображенные в историко-героической драме «Самбажык». Жажда возмездия является лейтмотивом драмы, который многократно акцентируется протагонистом и другими действующими лицами, становясь импульсом для развития сюжета. Приводятся искусно подобранные драматургом песни повстанцев и образцы народной речи в репликах персонажей. Изучение данной пьесы демонстрирует наличие следующих художественных доминант: трагический нарратив, чётко сформулированный мотив восстания, романтические оттенки в образе протагониста, выраженное антагонистическое противостояние и внедрение фольклорной речи в диалогические структуры. Однако, по нашему мнению, художественное воплощение главного героя в этой драме не обладает достаточной глубиной, чтобы в полной мере отразить героическую сущность предводителя восстания.

Ключевые слова: восстание «Алдан-Маадыр», Дулов, Кок-оол, тувинская драматургия, протагонист драмы, образ героя, мотив мести, лейтмотив

Для цитирования: Мижит Л. С. «Историко-героическая драма Виктора Кок-оола «Самбажык»: опыт интерпретации образа протагониста драмы и мотива восстания» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 72–89. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-72-89

VICTOR KOK-OOŁ'S HISTORICAL AND HEROIC DRAMA "SAMBAZHYK": THE EXPERIENCE OF INTERPRETING THE IMAGE OF THE PROTAGONIST OF THE DRAMA AND THE MOTIVE OF THE UPRISING

Lyudmila S. Mizhit

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, lmizhit@mail.ru

Abstract. The article examines scientific research on the national liberation movement of Tuvan Arats "Aldan-maadyr" ("Sixty Heroes") in the 19th century, which preceded the writing of the play "Sambazhyk" by V. Kok-ool. The author attempts to interpret the image of the main character and the motive of the spontaneous uprising reflected in the historical and heroic drama "Sambazhyk". The thirst for retribution is the leitmotif of the drama, which is repeatedly emphasized by the protagonist and other actors, becoming an impulse for the development of the plot. Rebel songs artfully selected by the playwright and samples of folk speech in the characters' lines are given. The study of this play demonstrates the presence of the following artistic dominants: a tragic narrative, a clearly formulated motive of rebellion, romantic shades in the image of the protagonist, a pronounced antagonistic confrontation and the introduction of folklore speech into dialogical structures. However, in our opinion, the artistic representation of the main character in this drama does not have sufficient depth to fully reflect the heroic essence of the leader of the uprising.

Keywords: Aldan-Maadyr uprising, Dulov, Kok-ool, Tuvan drama, protagonist of the drama, image of the hero, motive of revenge, leitmotif

For citation: Mizhit, L. S. (2025) "Victor Kok-ool's Historical and Heroic Drama "Sambazhyk": the Experience of Interpreting the Image of the Protagonist of the Drama and the Motive of the Uprising" // Asian Studies: History and Modernity, no. 3 (15), p. 72–89. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-72-89

Введение

Пьеса В. Кок-оола «Самбажык» занимает видное место среди драматических произведений тувинской литературы, посвященных историческим событиям. Сюжет драмы базируется на подлинной трагической истории народного восстания "Алдан-Маадыр" (букв.: шестьдесят героев), охватившего Туву в 1883-1885 гг.

В. Ш. Кок-оол (1906-1980) – один из основоположников национальной драматургии и театрального искусства, драматический актёр и режиссёр, композитор, член Союза писателей СССР, Заслуженный артист

РСФСР, Народный артист Тувинской АССР, автор первой тувинской драмы «Хайыраан бот» (1936) [Калзан 1961; Мижит 2013; Херел 2018].

В конце 1950-х гг. В. Ш. Кок-оол приступил к сбору исторического материала о стихийном движении тувинских аратов в XIX в. [Самбажык 2021, с. 285]. Он много ездил по местам тех событий, встречался с немногими оставшимися в живых свидетелями и потомками непосредственных участников восстания. В 1963 г. драматург представил историко-героическую драму «Самбажык», названную по имени предводителя восстания. На сцене тувинского театра поставлен спектакль в том же году (музыка А. Б. Чыргал-оола, режиссер – С. Л. Оюн). Роль Самбажыка исполнил заслуженный артист РСФСР Николай Олзей-оол. Народная история на сцене вызвала у зрителей неподдельный интерес.

Пьеса печаталась в сборниках В. Кок-оола в 1966, 1976 и 2003 гг. Перевод на русский язык осуществлен С. Козловой и Д. Кууларом, опубликован в альманахе «Улуг-Хем» (1971 г.). Первые литературоведческие исследования драмы проведены в «Очерках истории тувинской советской литературы» (авторы: А. К. Калзан, М. А. Хадаханэ, Д. С. Куулар) [Тыва совет литератураның... 1975, с.198-200], З. Б. Самдан в статье «Первая тувинская героическая драма (О пьесе «Самбажык» В. Кок-оола)» [Самдан 1977, с. 139-147], позднее – в диссертационной работе А. Х. Херел «Творчество В. Кок-оола и его роль в становлении и развитии тувинской драматургии» [Херел 2018, с.120-139].

Готовясь к созданию произведения по грандиозному событию XIX в., драматург, несомненно, изучал научные работы по исследованию этого трагического восстания тувинских аратов.

О восстании «Алдан-Маадыр»

В предшествовавшие написанию произведения годы вышла основательная работа известного историка В. И. Дулова в «Учёных записках» ТНИИЯЛИ (1953): «Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения в Туве (К истории выступления «60 дургун» в 1883-1885 гг.)», в которой подробно освещено одно из самых значительных движений тувинцев в XIX в. Автор вначале дает краткий обзор архивных материалов, исторических источников о восстании, воспоминаний аратов, которые он записывал совместно с О. С. Тановым и О. Б. Данзын-оолом. Дав удручающую картину феодального, патриархально-родового строя в Туве во второй половине XIX в., В. И. Дулов выводит основные предпосылки, истинные причины начала стихийного восстания аратов, названного «60 беглецов». Автором уточнены годы восстания, начало выступления, исследованы борьба тувинских аратов против феодалов, их состав, мобилизация

ополчения для их подавления, вооружённое сопротивление Алдан-Маадыр карательным войскам и кровавая расправа над ними [Дулов 1953, с.7-54]. Это первое всестороннее исследование данного исторического события на тувинской земле.

Впоследствии это выдающееся восстание было освещено в следующих научных трудах: «Истории Тувы» (1964), В. А. Моисеева (1983), Ю. Л. Аранчына (1985, 2013), М. Х. Маннай-оола (1986) [История Тувы 1964; Моисеев 1983; Аранчын 1985; Аранчын 2013; Маннай-оол 1986] и др. В научном архиве ТИГПИ хранятся воспоминания о реальных лицах, участвовавших в стихийном восстании, а также тексты их героических песен, записанных, в основном, у внуков очевидцев [НА ТИГПИ: д.2429 (а); д.2427; т.278, д.2066; д.877; д.2422; т.266, д.1098; т.281, д.2078 и т.д.].

Обобщение вышеуказанных исследований и материалов позволяет реконструировать эту значимую веху истории Тувы, нашедшую отражение в героической драме В. Ш. Кок-оола: Алдан-Маадыр – национальные герои, участники национально-освободительного движения тувинских аратов в 1883-1885 гг., в период полуторавекового (1758-1912) маньчжурского правления (Цинской империи) в Туве. Героическое восстание *кайгалов*-удальцов, предводителей аратов, вспыхнуло против несправедливости местных феодалов и маньчжурских колонизаторов, которые поборами и налогами, произволом и насилием довели народ до катастрофически нищенского положения и беспредельного унижения. Основное ядро стихийного восстания вначале составляло около 60 человек во главе с аратами Самбажык (Көк-Самбажык, по прозвищу Ээр-Хаай), Кожагар-Комбулдай, Оттукай, Садыяажык (прозвище Сарыылдыг) и Дажыма-хүндү (чиновник), а всего их было более 300 человек. Вооруженный военный лагерь располагался на горе Кара-Даг на левой стороне р. Хемчик. Власти в то время их называли «алдан дургун» - 60 беглецов. Восставшие совершали набеги на ставки правителей, угоняли стада тувинских богачей и русских купцов-скотовладельцев и раздавали беднякам. Смелость и отвага повстанцев, отказ от подчинения властям и провозглашение свободы вызывали у простого народа восхищение, их поддерживали и прятали от властей. Но сочувствовавших тоже преследовали и наказывали. Замысел восставших заключался в избавлении Тувы от поработителей и установлении народной власти. В ноябре 1884 г. восстание было подавлено карательным отрядом амбын-нойона по приказу китайских властей. Всех пленных свезли к устью р. Чыргака, подвергли нечеловеческим, изуверским пыткам «*тос эрээ*». В марте 1885 г. в монгольском городе Улясутае (по-тув. *Улаастай*), были казнены 47 участников восстания, отрезанные головы которых привезли в Туву и выставили на шестах у больших дорог и на перевалах Хондергей, Адар-Тош и у горы Кара-Даг. Подвиг несломленных духом

тувинских аратов получил в истории название «восстание 60-ти богатырей». Герои шли навстречу трагической гибели, утверждая свободу духа и справедливость для будущих поколений, являясь ярким примером выражения национального самосознания и гордости [Алдан-Маадыр 2021, с.82-83].

Историко-героическая драма «Самбажык»

Автор драмы «Самбажык» В. Кок-оол опирался на исторические материалы о реальных повстанцах из западных районов Тувы, феодалах и чиновниках того времени, собранные у информаторов – их родственников и детей, а также зафиксированных в научных исследованиях. В произведении представлено героическое (как эстетическая категория), создан реалистический образ восставших аратов против невыносимого гнёта, т.к. «напряжённо кризисные, экстремальные ситуации, властно призывающие людей к героически-жертвенным свершениям, возникают на протяжении всей многовековой истории народов и человечества. Поэтому героическое и в художественном творчестве непреходяще значимо» [Хализев 2009, с.112].

Начало драмы ознаменовано проникновенным монологом Оппукая, закованного в железные кандалы, а на плечах – «дөңгү» ярмо, которое душит его, не даёт ему вздохнуть ни днём, ни ночью: «... *Эрии-шаажыны эктимде эледир сөөртүп чор мен, эдим-ханымны элезин-довуракче соолдур төп чор мен.* (Пар демиринден хосталырын оралдажыр.) *Ээ-та! Эки серге кежи хөрүк болза, эзилдир, хайылдыр хөрүктөп каапса! Чок, сени мен кайын шыдаар мен. Сен дээрге бүгү Таңды-Тываның мойнунда-ла болгай сен... Адыр, адыр, ынчап-ла тур... Сени албаты чон эзилдир хөрүктээр үе келир ийин оң... Ону билип ал!»* («Пытки и казни (кандалы – Л.М.) таскаю на плечах, да так, что плечи мои изнасились, в песок и землю роняю плоть свою, кровь свою проливаю, да так, что весь я высыхаю. *(Пытается освободиться от оков.)* Эх! Вот бы кузнечный горн из хорошей козлиной кожи, раздуть бы его и расплавить тебя! Нет, где уж мне тебя одолеть... Ведь ты на шее всей Танну-Тувы... Погоди, погоди, пока... Придёт время, когда народ раздует кузнечный горн и расплавит тебя... Знай об этом!»²) [Кок-оол 1976, с. 57]. В тяжёлой экспозиции пьесы раскрываются трагические обстоятельства жизни простых людей в XIX в., а также глубокий смысл их мечты освободиться от эксплуататоров, как от кандалов – символа гнета и страданий.

Сбежавшего от жестоких пыток Оппукая ищут по приказу Белдер хунду (чиновника), с одной стороны, и его друзья во главе с Самбажыком, с другой, но не могут найти с весны до осени. Наконец, повстанцы, найдя погибшего

² Здесь и далее подстрочный перевод отрывков пьесы осуществлен Л. Мижит. Перевод С. Козловой и Д. Куулара (1971) не использован в связи с неточностями и вольностями.

Оппукая, клятвенно обещают отомстить за его невыносимые страдания. Так определяется мотив мести – движущая сила сюжета драмы.

В пьесе реалистически показана тяжелая, стойкая, но безнадежная жизнь восставших аратов на горе Кара-Даг:

*Алды бааштыг Кара-Дагны
Аал-ла кылып алылыңар,
Алызында барып-барып,
Алдай кире берээлиңер!*

*Чеди бааштыг Кара-Дагже
Четтирбейн бараалыңар,
Челе-бекте өөрүвүстү
Чежип, салып алылыңар!*

*(Кара-Даг с шестью вершинами
Давайте аалом-стойбищем сделаем,
А в конце концов, давайте,
Поскачем на Алтай!)*

*На Кара-Даг с семью вершинами
Убежим, чтоб не догнали,
И друзей, связанных и в кандалах,
Развяжем, освободим!)*

[Кок-оол 1976, с. 91]

Образ героической личности – предводителя восстания Самбажыка – в драме раскрывается как архетип эпического героя. Узнав о смерти измученного цепями арата, он говорит: «... эрес эр хая баарынга төрүттүнер, хая баарынга сөөк салыр...» («настоящий мужчина рождается у скалы и умирает у скалы») [Кок-оол 1976, с. 73]. «Автор, создавая черты характера центрального персонажа Самбажыка в образной фольклорной эстетике борца-бунтаря, типизирует его как национального народного героя» [Херел 2018, с.129].

На наш взгляд, героя-удальца тувинского восстания XIX в. Самбажыка (в реальной истории) можно считать пассионарием тувинского этноса по теории пассионарности Л. Н. Гумилева [Гумилев 1990, с.258-282]. По оценке созданного В. Кок-оолом художественного образа главного героя драмы авторами «Очерков истории тувинской советской литературы»: «Самбажык обладает качествами настоящего вождя, способен вести народ, дружелюбен к друзьям, не пожалеет своей жизни, в случае необходимости, ради товарищей» [Тыва совет литератураның... 1975, с.199].

С целью поднять боевой дух своих единомышленников, Самбажык произносит речь, наполненную искренними эмоциями и пафосом, отстаивая правоту и справедливость:

Самбажык. Чок, бүгүдө. Бистер дургуннар эвес бис. Бистер шынныг хоойлуну авыралдап турар улус бис. Кижиги кижиги-биле дөмей-ле болгай. Бир кижиги бир кижини бастып, дорамчылап, бирээзи тодуп, бирээзи аштап чораан херээ чүл? Шупту дөмей болур херек. Хей чүве, боларга мынчап баш билиндирип турган херек чок. Бистер туттурбас-даа бис... («Нет, все (собравшиеся, народ). Мы не беглецы. Мы защищаем справедливый закон. Ведь человек с человеком одинаков (Ведь все люди равны). Почему один подавляет и унижает другого, один насыщается, другой голодает? Все должны быть одинаковы (равны). Нет, нельзя допускать, чтобы они управляли нами. Мы не дадимся им в руки...») [Кок-оол 1976, с. 70].

Эти слова протагониста драмы передают основную цель стихийного восстания угнетенных аратов, мотив героического – мотив борьбы против социальной несправедливости. А на протяжении пьесы Самбажыком многократно повторяется еще одна веская причина восстания – месть (*өжээн, адаан-өжээн*). Месть за пострадавших друзей, за невыносимую жизнь аратов-бедняков...:

Самбажык. Ол харын коргунчуг-ла, ындыг-даа болза, адаан-өжээн деп чүве бар болдур ийин, бүгүдө, бодап көрүңерем, чеже хире эрлер эриш-ша-ажыдан өлдүлөр? Белде чевеглер сыңмастай берген, кымнарыл ол? Бистиң өөрүвүс, бистер ышкаш ядыы самдарлар-дыр! Оларның өжээнин ыяавыла негээр бис! (Да, это страшно, но все же есть понятие месть, подумайте все, сколько наших мужчин погибло от пыток? Склон горы полон могил, кто они? Наши друзья, бедные оборванцы, как и мы. Обязательно мы должны отомстить за них!) [Кок-оол 2003, с. 17].

Здесь мотив, по определению В. Е. Хализева, как «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [Хализев 2009, с. 267], раскрывает характер протагониста драмы, его мужество, решительность и бескомпромиссность, и задает боевой настрой следующим за ним простым аратам. Его слова – мотив мести – служат ведущим началом к действию – к борьбе.

В анализируемой драме слово «*өжээн*» (месть) является одним из частых в речи главного героя и за ним – в устах других персонажей, повторяется более десяти раз, что, на наш взгляд, необоснованно:

Самбажык. Адыр-адыр, болгаанып көрүңер! ... Оппукай ышкаш база читкилей бериңер! Силерниң өжээниңерни негээр мен... (Погодите-погодите, перестаньте! ... Тогда все исчезните, как Оппукай! А я буду мстить за вас...) [Кок-оол 2003, с. 17].

Чинчи. *Күжүр ачай, мээң хилинчээмни, мээң өжээнимни билген болзуңза!* (Отец мой, дорогой, если бы ты знал о моих страданиях, моей жажде мести!) [Кок-оол 2003, с. 29].

Урундай. *Чок! Чанмас бис, бистер өжээн негээр бис!* (Нет! Мы не вернемся домой, мы будем мстить!) [Кок-оол 2003, с. 30].

Шупту. *Амбын-ноянда адаанныг, Өөлет даргада өжээнниг бис!* (Все. Вражда у нас с Амбын-нойоном, месть – к чиновнику Оолет!) [Кок-оол 2003, с. 30].

Дажыма. *Өжээнни өжүрер эвес* (Месть не погасить) [Кок-оол 1976, с. 77].

Самбажык. ... *Ындыг өжээнни бүгүде Таңды Тывазынга тыпсыр бис!* (Такую месть мы воздадим всей Танну-Туве!) [Там же].

Самбажык. *Мээң чүрээмни адаан-өжээн долган-дыр!* (Мое сердце полно мести-вражды!) [Кок-оол 1976, с. 113].

И далее этот мотив локализован в речи персонажей на с. 29, 30, 51 (4 р.), 63, 68 [Кок-оол 2003].

Таким образом, мотив мести выступает главной сюжетогенной силой данного произведения, становится ведущим мотивом, руководящим началом восстания – лейтмотивом героической драмы.

Мотив мести имеет место и в других пьесах В. Кок-оола. Вспомним заключительные слова Седипа в финале трагедии «Хайыраан бот»: «*Назын кырыыр, өжээн кырывас!*» («Человек (букв.: возраст) стареет, месть не стареет!»). По определению И. В. Силантьева, «признак лейтмотива – его обязательная повторяемость в пределах текста одного и того же произведения; признак мотива – его обязательная повторяемость за пределами текста одного произведения. [Силантьев 2008, с. 131]. Так данный мотив становится одним из основных идей драматических произведений В. Ш. Кок-оола, как его художественное достояние, поскольку, по заключению В.Е. Хализева: «Мотивы могут выступать либо как аспект отдельных произведений и их циклов, в качестве звена их построения, либо как достояние всего творчества писателя и даже целых жанров, направлений, литературных эпох, всемирной литературы как таковой. В этой надындивидуальной стороне они составляют один из важнейших предметов исторической поэтики» [Хализев 2009, с. 257].

Главный концепт драмы – свобода – так определяется в представлении главного героя:

Самбажык. ... *Чогум амыр-шөлээн деп чүве болза, ал-боду-даа, аал-чур-ту-даа амыр-менди, аар-берге аажы-шаажы көрбес, албан-үндүт төлевес, азыраан малын өстүрүп, ажыл-хожулун кылып, азыранып чоруур карачуул ол-дур* (Настоящая свобода, это когда простой человек имеет возможность

жить так, чтобы и он сам, и его аал (семья) были благополучны, не видели тяжелых страданий и пыток, не платили дань, а просто растили свой скот, занимались своим делом и кормились своим трудом) [Кок-оол 2003, с. 20].

Особо привлекает внимание читателя (зрителя) поэтический слог предводителя восстания о свободе:

Самбажык. Көрүңерем, оолдар бүгүдө, эр кара эзирни! Кижги чүгө ындыг болбаан чүгө ирги? Магалыын, шөлээнин, эрезин, бедшин! Ээ-та чаваазы, мен база-ла ол эзир ышкаш, шак ынчаар ужузуп чораан болзумза! (Смотрите все, парни, какой орёл молодец! Почему же человек не таков? Как он прекрасен, волен, удал и высок! Эх, вот бы и мне так же парить, как этот орёл!) [Кок-оол 1976, с. 66].

Об этом романтическом воодушевлении и драматизации пишет З. Б. Самдан в своей статье: «Героические образы этого произведения подкупают своей окрыленностью, приподнятостью и оптимизмом. Творческий подход писателя к материалам истории помог ему в основном удачно соединить реальные факты с творческим вымыслом. Но всё-таки патетика, романтическая условность в пьесе местами довлеет над историко-реальным содержанием» [Самдан 2011, с.146].

Вот такими словами Самбажык встречает чиновника Койнаа хунду: *«Актыг-шынныг аалчыны ак өргээге, азыг-диштитиг араатанны арга чарыкка уткуп алыр бис»* («Справедливого гостя встретим в белой юрте, а хищного зверя – в лесистой стороне гор») [Кок-оол 1976, с. 75]. Его речь часто принимает форму и стиль героических сказаний: *«Кара-Дагны хаан кылгаши, Оргу-Шөлдү олбук кылгаши...»* («Сделав Кара-Даг нашим ханом, а Оргу-Шол – нашим престолом...») [там же].

А вот речь Кызыннай, примкнувшего к восставшим обманным путём, звучала неестественно пафосно и изобиловала поэтическими выражениями, что лишь подчёркивало его чрезмерное рвение:

Кызыннай. ... Чодурааны эгген ояар чыгыр-чыгыр эзеңилиг, аът кежсин сойган олчаан далдыр-дулдур төрөпчилиг чораан, ядыы-самдар ашак мен. Чээрби бир дарыйгым, чеден беш хааным, тозан тос кудуктум, тос дээрим, долаан бурганым эки эзир тевер, бак эзир дойлаар дээн, мынчангаши-ла, эргим оолдарым, силерге соодал-хөдел болур ирги бе дээш, калгын келдим ийин (... Я старик, бедный оборванец, со скрипящими стремянами, свитыми из веток черёмухи, с чепраком из невыделанной конской кожи. Двадцать одна мои дарийги, семьдесят пять ханов моих, девяносто девять мои хутухта, девять небес моих, бог мой долаан говорят, что хороший орёл хватает добычу, плохой орёл объедками пирует, вот так и я, мои дорогие сынки, приплёлся, может, я вам в прислуги сгожусь.) [Кок-оол 1976, с. 93].

Как известно, образ протагониста драмы раскрывается, в основном, через его поступки и отношение к другим персонажам. В анализируемом ярком образе Самбажыка, на наш взгляд, есть некоторое противоречие, заключающееся в недостаточной бдительности и плохой интуиции героя, что нарушает логику характера предводителя восстания. Например, при появлении в лагере повстанцев «шпиона», того самого Кызыннай, друзья Самбажыка Узун-Белек, Садыяа, Дажыма в первые же минуты обращают внимание на лукавую речь постороннего человека и начинают подозревать:

Узун-Белек: *Сактырымга, Кызыл-Тайганы дагаан черге чушкуузунга чүлгүүш баглап алгаи, кудай дүвү чүлгүн чоруп турган...* (Мне кажется, на обряде освящения Кызыл-Тайги, этот самый, кто с мочалкой на затылке (имеется ввиду: знак отличия чиновника. – Л.М.) вытирал дно неба...) [Кок-оол 1976, с. 93].

Когда они хотели проучить Кызыннай, чтоб он признался, Самбажык останавливает их и очень вежливо общается со «старцем», который открыто ему льстит. Далее Садыяа замечает, что кто-то заранее оседлал коня Чугурук Кара-Хурена и подозревает, что это дело Кызыннай. Но тот опять хитростью своей не поддается, а Садыяа отбирает у него нож, которым он хотел зарезать Самбажыка... А когда речь идет о Бошкажыке, которого убил сам Кызыннай, он опять же выходит чистым из воды своими лживыми речами...

Через некоторое время Чинчи тоже, увидев Кызыннай, говорит: «... Кажется, я вас где-то видела, дедушка...». Но тот опять уворачивается и обманывает Чинчи, что поблизости есть девушки Мундургу и Даданай, и что он может ее проводить к ним. Чинчи сообщает об этом Самбажыку, но тот, даже поняв, что Кызыннай обманул ее, никаких действий не принимает:

Самбажык. *Угааны чанып чоруур ирей-дир ийин, Чинчи* (Да это дедушка, теряющий рассудок, Чинчи.) [Кок-оол 1976, с. 103].

Впрочем, даже без их подозрений явно были видны лицемерие, притворство и странности «шпиона», но Самбажык в упор не видел их. Тут налицо диссонанс в сложившемся харизматичном образе главного героя. Возможно, это выдуманное автором противоречие, если учесть мнение Д. Н. Катышевой о том, что «противоречие есть своего рода горячее, питающее мотор драмы – конфликт. Оно обуславливает движение, мотивирует поступки действующих лиц. Участие героев в разрешении противоречия, вырастающего в конфликт, является источником самодвижения характеров, драматического действия. ... В этом процессе персонажи связываются друг с другом благодаря активному стремлению привести противоречие к разрешению, либо к снятию, либо к ослаблению» [Катышева 2001, с. 17].

В конце концов, Самбажык признает свою ошибку («Эндээн-дир мен» («Обознался я»)), когда точно определяют, что тот старик и есть Кызыннай хунду [Кок-оол 1976, с. 109].

Эмоциональный накал и напряжение драмы усиливается благодаря материнской любви и самоотверженности, которыми наделена Семис-Кадай. Рискаю всем, она добралась до стана восставших аратов, чтобы предупредить их о надвигающейся угрозе:

Семис-Кадай: Күжүр оолдарым, күжүр дуңмаларым! Моон доп-до-раан чорунар! ... Мен ону дыңнадыйн дээш, дүне-ле үнгеним бо. ... Оолдарым! ... Аваң ышкаш аваң-дыр мен, ак баштыг аваң... (Сыновья мои дорогие, братишки мои! Срочно уходите отсюда! ... Еще ночью я отправилась к вам, чтоб сообщить. ... Сыновья мои! Я такая же мать, как твоя, твоя белокурая мать...) [Кок-оол 1976, с. 113].

В драме убедительно представлены образы местных правителей Белдер хунду, Койнаа хунду и Сенгин чангы, прототипы которых хорошо известны, чья тирания и деспотизм вызвали глубокую неприязнь у бедняков.

Из антагонистов ярко вырисован образ вышеупомянутого Кызанная, который рискует своей жизнью ради обещанного крупного вознаграждения.

В диалогах героев прослеживаются типичные выражения тувинского фольклорного языка, а фразеологизмы, пословицы и поговорки, вплетённые в их речь, раскрывают глубину их убеждений и накал переживаний. Поэтический строй народной речи придаёт репликам персонажей драмы неповторимое звучание:

Урундай. *Чаъс-чайыктыг чайын меңги хар безин эсти бээр болгай ыңар. Даң адар – хун үнер. Дагаа чылы Улу чылы-биле солчур деп бир чугаа бар* (В летние ливни и грозы даже вечные снега (ледники) тают. Наступит рассвет – взойдет солнце. Взамен году Курицы придёт год Дракона – есть такая поговорка.)

Комбулдай. *Бистер солупкай бис аан, кырган. Шажын соңгаарлаан, төре бурунгаарлаан деп чугаа база-ла бар болгай* (Надеюсь, мы заменим, старик. Еще говорят, религия позади остается (забывается), строй (режим) впереди идет.)

Включение в драму песен и других поэтических фрагментов позволило автору создать романтическую атмосферу в героической драме. Например:

*Кепти ёзу төрезинден
Кээргел дилээн херээ-даа чок.
Кестик-бижек тудуп алгаи,
Кедилелди чедип аар бис!*

(От нынешнего порядка, строя
Милости и жалости не стоит ждать.
Взяв в руки ножи,
Добьемся мы свободы!)

[Кок-оол 2003, с. 54]

В драматической кульминации отчетливо проступает ожесточенное противостояние и озабоченность обеих сторон исходом предстоящей борьбы. Феодалы-чиновники, в первую очередь, охвачены страхом за свою жизнь и сохранность своего имущества. Повстанцы же, осознавая колоссальное неравенство сил, несут в себе иные настроения, включая горькое понимание безнадежности. Эта внутренняя драма, несгибаемый дух и непокорность героев раскрываются через песню:

*Тудар дээн-дир, хоруур дээн-дир,
Туруг, бертче халды берээл.
Туруг, бертке турган соонда,
Дургун дижиг тургайлар аан.*

*Адар дээн-дир, кырар дээн-дир,
Алдырбайн бараалыңар,
Алды баштыг Каа-Дагда
Аңнар дижиг тургайлар аан.*

(Хотят поймать, схватить нас,
Ускачем на неприступную скалу.
Как встанем на неприступной скале,
Пусть беглецами нас называют.

Хотят застрелить нас, перестрелять,
Не дадимся же им в руки,
Пусть зверями на Кара-Даге
Шестивершинном нас называют.)

[Кок-оол 1976, с. 70]

Эти трогательные песни дают возможность уловить коллективное мироощущение повстанцев. Диалоги, в которых араты выражают свои точки зрения на ситуацию в Туве, насыщены не меньшим драматизмом и убедительностью. Дух свободы, присущий аратам, проявляется не только в песнях, воспевающих борьбу, но и в их речи, изобилующей народной мудростью.

Реплики протагониста драмы также изобилуют фольклорными образными выражениями. Например: «*Эр кижиги эндевес болза, хаан-даа болур, эрик бузулбас болза, хая-даа болур*» («Если мужчина не ошибется, то и ханом

может стать, если берег не осыплется, то и скалой может стать») [Кок-оол 1976, с. 110]. Эта сказанная Самбажыком пословица характеризует лидерскую позицию героя, уверенного в своих целях и решениях. Но следует подчеркнуть, что образ главного героя недостаточно раскрыт в действиях, ведущих к кульминации и развязке сюжета. В драме не отражены набег повстанцев, угон стад богачей и раздача их беднякам, что является одним из ключевых моментов в реальной истории восстания.

Символ зари в финале драмы усиливает героический ореол, указывая, что борьба, начатая восставшими аратами, будет продолжена, а надежда на лучшее будущее – не напрасна:

Чинчи. Ол чүү шимээн боор?

Самбажык. Хүрештиң эгези-дир! Эки үе келир, дуңмам!

Чинчи. Ол үеде чурттаан болза аар!

Самбажык. Чурттаар сен, чурттаар бис, Чинчи! Көрдөн-көрдөн, кызыл хаяаның чаагайын!

(Чинчи. Что это за шум?)

Самбажык. Это начало борьбы! Хорошее время настанет, сестренка!

Чинчи. Жить бы в это время!

Самбажык. Будешь жить, будем жить, Чинчи! Смотри-смотри, как прекрасна заря!)

[Кок-оол 1976, с. 115].

К сожалению, развязка драмы расходится с историческими фактами: Самбажык остается жить, когда все его друзья-повстанцы погибают после жесточайших пыток и казни. И в финале он призывает к мести, держа в руках умирающую Чинчи:

Самбажык. Өжээнниң өшпөс хаяазы хып үндү!

(Самбажык. Вспыхнула неугасимая заря мести!)

[Кок-оол 1976, с. 115].

В целом, пьеса В. Кок-оола «Самбажык» правдиво отображает дореволюционную тувинскую действительность. Историческое содержание в драме позволило драматургу создать художественную картину, наполненную высоким пафосом героизма [Херел 2018, с. 139].

Анализ историко-героической драмы В. Ш. Кок-оола «Самбажык» выявляет следующие художественные черты: трагический характер сюжета, четко артикулированный мотив восстания, романтические черты в характере протагониста, выраженное социальное, антагонистическое противостояние и использование фольклорной речи в диалогах персонажей.

Заключение

Таким образом, произведение В. Ш. Кок-оола «Самбажык» (1963) подтверждает мастерство автора в создании напряженного драматического сюжета по следам реальных событий, отображении героического в литературе, формировании образа протагониста драмы и лейтмотива восстания. Произведение отличается ярко выраженным авторским стилем, который глубоко укоренен в национальной идентичности. Это проявляется в аутентичном воплощении народных образов, знаний и традиций, а также в поэтически окрашенной речи героев. Но, к сожалению, художественный образ главного героя в данной драме, на наш взгляд, недостаточно раскрывает героический дух реального прототипа Самбажыка.

Постановка пьесы В. Кок-оола «Самбажык» в Тувинском музыкально-драматическом театре была признана успешной и пользовалась популярностью вплоть до 1980-х годов.

В современной тувинской драматургии на героическую тему «Алдан-Маадыр» написана драма-баллада «Кара-Дагның казыргызы» («Вихрь Кара-Дага») Э. Мижита. Пьеса представляет собой взгляд на эти события с точки зрения современного человека и основывается на переключке истории и современности, переключке поколений. Историко-героическая драма классика тувинской драматургии В. Ш. Кок-оола «Самбажык» и драма-баллада Э. Мижита опубликованы в издании, приуроченном к 120-летию восстания (2003 г.).

Литература:

1. Алдан Маадыр 2021 – Алдан-маадыр / Урянхайско-тувинская энциклопедия. Том 1. Абакан: ООО «ИП Журналист». 2021. С.82-83.
2. Аранчын 1985 – Аранчын, Ю. Л. Алдан-Маадырларның тура халыышыны [Восстание 60 богатырей]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1985. 107 с.
3. Аранчын 2011 – Аранчын, Ю. Л. Тыва улустун маадырлыг оруу [Героический путь тувинского народа]. Абакан: ООО «Журналист». 2011. 208 с.
4. Гумилев 1990 – Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли. 3-е изд., стер. Л., 1990. 527 с.
5. Дулов 1953 – Дулов, В. И. Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения в Туве (К истории выступления «60 дургун» в 1883-1885 гг.) // Ученые записки. ТНИИЯЛИ. Выпуск I. Кызыл. 1953. С.7-54.

6. История Тувы 1964 – История Тувы: В 2 т. / Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. Редколлегия: Л. П. Потапов (отв. ред.) и др. Т. I. М.: Наука. 410 с.
7. Калзан 1961 – Калзан, А. К. Становление тувинской драматургии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М.: 1961. 167 с. (рукопись).
8. Катышева 2001 – Катышева, Д. Н. Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр. С.-Пб.: СПбГУП. 2001/ 208 с.
9. Кок-оол 1976 – Кок-оол, В. Ш. Чогаалдар чыындызы: шии чогаалдары. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1976. 184 с.
10. Кок-оол 2003 – Кок-оол, В. Ш., Мижит, Э. Б. Самбажык. Кара-Дагның казыргызы. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 2003. 152 с.
11. Маннай-оол 1986 – Маннай-оол, М. Х. Тува в эпоху феодализма. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1986. 193 с.
12. Мижит 2013 – Мижит, Э. Б. Зарождение тувинской драматургии // История тувинской литературы. Т.1. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921-1944) / [отв. ред. К.А. Бичелдей]; редкол.: Л. С. Мижит (рук. проекта) [и др.]. Новосибирск: Издательство СО РАН. 2013. С.127-150. EDN: VSRBGQ
13. Моисеев 1983 – Моисеев, В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. М: Наука. 1983. 152 с.
14. Самбажык 2021 – Самбажык / Урянхайско-тувинская энциклопедия. Том 2. Абакан: ООО «ИП Журналист». 2021. С.285.
15. Самдан 1977 – Самдан, З. Б. Первая тувинская героическая драма (О пьесе «Самбажык» В. Кок-оола) // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1977. С.139-147.
16. Силантьев 2008 – Силантьев, И. В. Мотив // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada. 2008. 358 с.
17. Тыва совет литератураның 1975 – Тыва совет литератураның төөгүзүнүн очерктери [Очерки истории тувинской советской литературы] / А. К. Калзан, М. А. Хадаханэ, Д. С. Куулар. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1975. 332 с.
18. Хализев 2009 – Хализев, В. Е. Теория литературы. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия». 2009. 432 с. ISBN: 978-5-7695-5814-6 EDN: QULFPR
19. Херел 2012 - Херел, А. Х. Исторические истоки первой героической драмы в литературе Тывы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. №2 (19). С.99-103. EDN: PBRXAX

20. Херел 2018 – Херел, А.Х. Творчество В. Кок-оола и его роль в становлении и развитии тувинской драматургии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М.: 2018. 176 с.

Архивные материалы:

1. Научный архив ТИГПИ: д.2429 (а).
2. Научный архив ТИГПИ: д.2427.
3. Научный архив ТИГПИ: т.278, д.2066.
4. Научный архив ТИГПИ: д.877.
5. Научный архив ТИГПИ: д.2422; т.266, д.1098.
6. Научный архив ТИГПИ: т.281, д.2078.

References:

1. “Aldan-maadyr” (2021) [Sixty Heroes], Urjanhajsko-tuvinskaja jenciklopedija, t. 1, Abakan, ООО «IP Zhurnalist», p. 82–83.
2. Aranchyn, Ju. L. (1985) “Aldan-Maadyrlarnyң tura halyyshkyny” [The Uprising of 60 Heroes]. Kyzyl, Tyvanuң nom yndyrer cheri, 107 p.
3. Aranchyn, Ju. L. (2011) “Tyva ulustuң maadyrlyg oruu” [The Heroic Path of the Tuvan People], Abakan, ООО «Zhurnalist», 208 p.
4. Gumilev, L. N. (1990) “Jetnogenez i biosfera zemli” [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth], 3-e izd., ster., Leningrad, 527 p.
5. Dulov, V. I. (1953) “Iz istorii klassovoj bor’by i nacional’no-osvoboditel’nogo dvizhenija v Tuve (K istorii vystuplenija «60 durgun» v 1883-1885 gg.)” [From the History of the Class Struggle and the National Liberation Movement in Tuva (On the History of the 60 Durguns in 1883-1885)], Uchenye zapiski, TNIIJaLI, vypusk I, Kyzyl, p. 7–54.
6. “Istorija Tuvy: v 2 t.” [History of Tuva: in 2 volumes], Tuvин. nauch.-issled. in-t jazyka, literatury i istorii, redkollegija: L. P. Potapov (otv. red.) i dr., t. I, Moscow, “Nauka”, 410 p.
7. Kalzan, A. K. (1961) “Stanovlenie tuvinskoj dramaturgii” [The Formation of Tuvan Drama], diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.02, Moscow, 167 p. (rukopis’).
8. Katysheva, D. N. (2001) “Voprosy teorii dramy: dejstvie, kompozicija, zhanr” [Questions of the Theory of Drama: Action, Composition, Genre], Saint-Petersburg, SPbGUP, 208 p.
9. Kok-ool, V. Sh. (1976) “Chogaaldar chyindyzy: shii chogaaldary” [Collection of Works], Kyzyl, Tyvanuң nom yndyrer cheri, 184 p.
10. Kok-ool, V. Sh., Mizhit, Je. B. (2003) “Sambazhyk. Kara-Dagnyң kazyr-gyzy” [Sambazhyk: the Whirlwind of the Black Mountain], Kyzyl, Tyvanuң nom yndyrer cheri, 152 p.
11. Mannaj-ool, M. H. (1986) “Tuva v jepohu feodalizma” [Tuva in the Era of Feudalism], Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izd-vo, 193 p.

12. Mizhit, E. B. (2013) “Zarozhdenie tuvinskoj dramaturgii” [The Origin of Tuvan Drama], *Istorija tuvinskoj literatury*, t.1, Istoki. Literatura Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1921-1944), otv. red. K. A. Bicheldej, redkol.: L. S. Mizhit (ruk. proekta) [i dr.], Novosibirsk, izd-vo SO RAN, p.127–150.
13. Moiseev, V. A. (1983) “Cinskaja imperija i narody Sajano-Altaja” [The Qing Empire and the Peoples of Sayano-Altai], Moscow, “Nauka”, 152 p.
14. “Самбажык” 2021 [Sambazhyk], Urjanhajsko-tuvinskaja jenciklopedija, t. 2, Abakan, ООО «IP Zhurnalyst», p. 285.
15. Samdan, Z. B. (1977) “Pervaja tuvinskaja geroicheskaja drama (O p’ese «Sambazhyk» V. Kok-oola)” [The first Tuvan Heroic Drama (About the Play “Sambazhyk” by V. Kok-ool)], *Tuvinskij yazyk i literatura v posleoktyabr’skij period*, Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel’sтво, p.139-147.
16. Silant’ev, I. V. (2008) “Motiv” [Motive], *Pojetika: Slovar’ aktual’nyh terminov i ponjatij*, Gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko, Moscow, izd-vo Kulaginoj, “Intrada”, 358 p.
17. “Tyva sovet literaturanyң tөөgүzүnүң ocherkteri” (1975) [Essays on the History of Tuvan Soviet Literature], A. K. Kalzan, M. A. Hadahanje, D. S. Kuular, Kyzyl, Tyvanуң nom үндыrer cheri, 332 p.
18. Halizev, V. E. (2009) “Teorija literatury” [Theory of Literature], 5-e izd., ispr. i dop. Moscow, Izdatel’skij centr “Akademija”, 432 p.
19. Herel, A. H. (2012) “Istoricheskie istoki pervoj geroicheskoj dramy v literature Tyvy” [Historical Origins of the First Heroic Drama in Tuvan Literature], *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 2 (19), p. 99–103.
20. Herel, A. H. (2018) “Tvorchestvo V. Kok-oola i ego rol’ v stanovlenii i razvitii tuvinskoj dramaturgii” [The Creative Work of V. Kokol and His Role in the Formation and Development of Tuvan Drama], diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. Moscow, 176 p.

Информация об авторе:

Людмила С. Мижит, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4, lmizhit@mail.ru

РИНЦ Author ID: 793880

Information about the author:

Lyudmila S. Mizhit, Cand. Of Sci. (Philology), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, lmizhit@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1991-0517

@ Мижит Л. С., 2025